

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Невечерним светом сияет образ преподобномученицы Великой княгини Елисаветы Феодоровны, явившей своей подвижнической жизнью пример служения Богу и людям. Приняв мученическую кончину на Урале, в Алапаевске, ныне она пребывает мощами в Иерусалиме, в храме св. Марии Магдалины на Елеонской горе.

Изучая историю жизни этой удивительной святой, оставившей славу, богатство и почести ради служения милосердия, мало кто задумывается о том, как мощи угодницы Божией оказались на Святой Земле. Между тем перенесение мощей из Алапаевска в Святую Землю было делом жизни и делом чести уральского подвижника — игумена Серафима (Кузнецова).

Об этих людях, украшенных венцами мученичества и исповедничества, верных до смерти своему долгу, рассказывает замечательная книга Петра Владимировича Стегния, известного дипломата, историка, в 2007–2011 годах Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации в Израиле.

Эта книга — глубоко личная. Факты чередуются с сокровенными размышлениями автора о судьбах России, ее сынов и дочерей. В каждом слове этого серьезного исследовательского труда мы встречаем самое бережное прикосновение к трагическому периоду Отечественной истории, в котором отражается искренняя любовь к Родине, ее прошлому и настоящему.

*Митрополит Рязанский и Михайловский Марк
2017 год*

Искание воли Божией есть самое важное дело нашей жизни,
так как, попадая на путь ее, человек включается в вечную
божественную жизнь.

Прп. Силуан Афонский

Слава Тебе за промыслительное стечение обстоятельств,
Слава Тебе за благодатные предчувствия,
Слава Тебе за указание тайного голоса,
Слава Тебе за откровения во сне и наяву.

*Митрополит Трифон (Туркестанов)
Акафист «Слава Богу за все!»*

Се восходим в Иерусалим.

Мк. 10:33–34

М. П. С.

С БЕЛОЙ ГОРЫ НА СВЯТОЙ ЕЛЕОН (предварительные замечания)

Первый, еще смутно осознанный интерес к игумену Серафиму, в миру Георгию Михайловичу Кузнецову, посетил меня — собственно, как и почти всех, писавших о нем, — в Иерусалиме. К его могиле у восточной стены церкви Второго (или Смертного) Благовещения в монастыре Мужей Галилейских¹, находящемся на Елеонской (Масличной) горе, в двух шагах от русского Спасо-Вознесенского монастыря, привела меня монахиня Магдалина (тогда — инокиня Макрина) из Гефсимании, расположенной тоже неподалеку, ниже по склону Елеона.

На могильной плите из терракотового с красноватыми вкраплениями иерусалимского камня значилось: «Русский священно-игумен Серафим, начальник Свято-Серафимовского скита Пермской епархии. Он привез гроб с телом мученицы великой княгини Елисаветы Феодоровны в Иерусалим в 1920 г.» И ниже — даты жизни: 1875—1959, 22 февраля. Рядом, на небольшом погосте, в ногах и чуть в стороне от Серафима, — две другие плиты половинного размера. На одной надпись: «Русские две сестры монахини Сергия и Анастасия» и две неоконченные даты: 19.., 19.. . На второй: «Русские монахини Сергия и Анастасия». Без дат. Все три надгробья венчают православные кресты с копьем и шестом для губки, стоящие на Голгофе, с изображением Адамовой головы под ней.

Вид русский погост в греческом монастыре имел запущенный и даже сиротливый.

Надо сказать, что в то время, году, помнится, в 2007—2008, мои — да и не только мои — сведения об игумене Серафиме, тем более о его духовных дочерях Сергии и Анастасии, исчерпывались тем, что было написано на их могильных плитах. Перевез во время Гражданской войны гробы Алапаевских мучеников через Сибирь в Пекин, а оттуда в Иерусалим. А в 1945 году, во время первого

визита на Святую Землю Патриарха Алексия I, открыл ему царские врата в одном из русских храмов, несмотря на строжайший запрет от начальника Русской Духовной Миссии, находившейся в юрисдикции Зарубежного Архиерейского Синода (конец войны, самый пик церковных нестроений). Вследствие чего порвал с «зарубежниками» и ушел под покровительство Иерусалимского Патриарха Дамиана (Русская Духовная Миссия Московского Патриархата появилась в Иерусалиме только в 1948 г.), прожив на Малой Галилее последние 38 лет своей жизни.

Вскоре выяснилось, однако, что сведения эти, мягко говоря, не точны. Впрочем, об этом чуть позже.

Сейчас же ограничимся констатацией того, что после первого знакомства с игуменом Серафимом я прочитал о нем — сначала в интернете, потом в библиотеках и наконец в архивах — все, до чего смог дотянуться. Материалов оказалось слишком мало, чтобы начать писать книгу, но достаточно, чтобы понять: сделать это надо. К 2013 году я уже настолько «заболел» Серафимом, что выступил на православной конференции в Перми с сообщением «Игумен Серафим в Иерусалиме». С этого времени поездки в Пермь и на Белую Гору, не говоря уж об Иерусалиме, стали регулярными.

Книга об о. Серафиме писалась долго — три года — и трудно. Если неординарность личности игумена Серафима, самородка с четырехклассным образованием, ставшего плодовитым церковным публицистом, стала мне очевидной уже в московских библиотеках, то своеобразие и масштаб этой личности начали открываться только на его родине. Там, в Свято-Николаевском Белогорском монастыре, затерянном в заповедных лесах Закамья, где до сих пор прячутся не только староверские скиты, но и языческие капища, загадочная, неисповедимая логика завершающей главы истории Российской империи обрела некий новый смысл. И в треугольнике трагических пересечений Пермь — Екатеринбург — Алапаевск возникла фигура того самого мужика, о воссоединении царя с которым — через преодоление бюрократического «средостения» — мечтал (или грезил?) К. П. Победоносцев. Не получилось — но, когда пришли предписанные сроки, мужик этот совершил немыслимое — довез прах Елизаветы Федоров-

ны, единственной из Романовых, удостоившейся вскоре после гибели христианского погребения, сквозь фронты Гражданской войны до Иерусалима и оставался рядом с ней до своего конца, заслужив свою Голгофу — высшую, но единственную награду праведнику на Святой Земле.

Мало на свете мест, где так явственно ощущаешь присутствие Божие, как на Белой Горе. И в Иерусалиме. Невозможно забыть поминальную службу по Новомученикам Российским в Крестовоздвиженском храме Белогорского монастыря 25 августа 2014 года. Собор, напоминающий размерами и очертаниями — за основу был взят проект К. Тона — Храм Христа Спасителя в Москве. Рядом — десятиметровый, упирающийся в небо крест, поставленный в память чудесного избавления будущего императора Николая II во время путешествия в Японию в 1891 году. Огромное стечение народа. Вдохновенно-серьезный, углубленный в себя владыка Мефодий, митрополит Пермский и Соликамский. Ясный детский взгляд новопоставленного (тогда) и. о. игумена о. Дорофея — и сохраненные реставраторами щербинки от пуль на штукатурке стены храма, возле которой расстреливали насельников Серафимо-Алексеевского скита — только к концу 1918 года их было арестовано не менее 170 человек, включая архимандрита Варлаама (Коноплева), духовного отца игумена Серафима.

И литургию в храме Второго Благовещения в монастыре Мужей Галилейских на Елеонской горе в Иерусалиме, которую по благословению Патриарха Иерусалимского Феофила отслужил настоятель храма Петра и Тавифы в Яффо о. Игорь (Пчелинцев) 13 января 2015 года. А вслед за ней и литию на могиле батюшки Серафима. Был зимний день, зябкий и сырой. Матушка Елизавета, игуменья Гефсиманская, сидела рядом с образом Богоматери Галилейской, написанным матерью Сергией в память об о. Серафиме через год после его смерти — в 1960 году. Пели Гефсиманские и Вифанские сестры, сослужил дьякон о. Роман (Гультяев), похожий черными кудрями на своего тезку св. Романа Сладкопевца, изображенного на дьяконских вратах Троицкого собора РДМ. В общем, народ свой, не случайный. И — как мостик в прошлое — игумен Анфим, грек лет восьмидесяти

с лишним, хорошо помнящий и м. Сергию, и о. Серафима. Он сохранял слегка отстраненное выражение лица, не вполне понимая, очевидно, слова русской службы.

Там, на Елеоне, как до этого на Белой Горе, пришло понимание неслучайности жизни и судьбы игумена Серафима. Невидимыми, но крепкими нитями — через подвижников духа — связан Пермский край со Святой Землей. В Перми помнят и чтут имена двух своих выдающихся земляков — архимандрита Антонина (Капустина) и Д. Д. Смышляева. Архимандрит Антонин, начальник Русской Духовной Миссии (РДМ) в Иерусалиме в 1865–1894 годах, давно и прочно вошел в историю Русской Палестины как ее первособиратель, идеолог и устроитель. Дмитрий Дмитриевич Смышляев, представлявший Императорское Православное Палестинское Общество в Святом Граде в 1885–1889 годах, руководил строительством двух жемчужин Русской Палестины — Александровского и Сергиевского подворий.

Мемориальные таблички с именами Капустина и Смышляева можно видеть сегодня у Порога Судных Врат в Александровском подворье — пантеоне собирателей Русской Палестины. Здесь же — мозаичная икона великой княгини Елизаветы Федоровны, ставшей председательницей ИППО после смерти своего супруга. Имени игумена Серафима нет ни в Александровском, ни в десятках других храмов и подворий Русской Палестины. Что грустно, но, в общем, понятно: его заслуги другого рода. Капустин и Смышляев строили Русскую Палестину, Серафим хранил ее душу.

Миссионер и проповедник, замеченный «всенародным батюшкой» Иоанном Кронштадтским, по политическим взглядам убежденный монархист, член Союза русского народа, игумен Серафим, оказавшись в эмиграции, стал последовательным, принципиальным сторонником Московской Патриархии. Митрополит (тогда архиепископ) Марк (Головков), кстати тоже уроженец Перми, бывший членом, затем заместителем начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1992–1999 годах, сказал знаковые, на наш взгляд, слова: «Если бы в Русской Церкви таких людей, как игумен Серафим, было больше, меньше было бы церковных нестроений».

Это, наверное, главное, чем замечательна и важна сегодня для нас жизнь игумена Серафима. Собственно говоря, попытка понять логику, внутреннюю правду, если хотите, загадку непростой судьбы русского монаха, прошедшего свой крестный путь с Белой Горы, «Уральского Афона», до отшельнической кельи в греческом монастыре на Святом Елеоне, и является задачей этой книги.

* * *

Задача непростая, в том числе и потому, что жизнь Георгия Михайловича Кузнецова, впоследствии игумена Серафима, оказалась как бы разделенной на две половины. Из них первая (1875–1921 гг.), начавшаяся в родной Чердыни и продолжившаяся в стенах Свято-Николаевского монастыря на Белой Горе, оказалась подготовкой к духовному подвигу второй (1921–1959), когда жизнь его превратилась в житие.

Пермско-белогорский период жизни о. Серафима изучен сравнительно хорошо. Помимо материалов пермских архивов и периодики (в том числе газеты «Пермские епархиальные ведомости»), важнейшим первичным источником являются труды и публикации самого о. Серафима, многие из которых носят биографический характер².

Среди работ уральских исследователей хотелось бы выделить в первую очередь чрезвычайно добросовестный обзор, подготовленный дальней родственницей игумена Серафима Л. А. Ромашовой, ставший еще до его издания в виде книги неопенимым источником для последующих исследований³. В 2014 году опубликована книга С. А. Вяткиной «Царский путь между Белой и Елеонской: Жизнеописание белогорского монаха Серафима (Кузнецова)»⁴. Различным эпизодам жизни о. Серафима посвящены статьи протоиерея Алексея (Марченко)⁵. Ряд книг, посвященных истории Белогорского монастыря, изданы в связи с отмечавшимся в 1996 году 600-летием святителя Стефана Пермского⁶. Несколько позже вышла книга В. А. Костиной о судьбе белогорского монашества в годы репрессий, биографический очерк протоиерея Г. Бирилева и статья А. Холодюка «Прино-

шение игумену Серафиму»⁷. В 2012 году в МПДА о. Андреем (Трегубовым) защищена магистерская диссертация «Монашеские уставы о. Серафима (Кузнецова)»⁸. В Свято-Тихоновском институте дипломное сочинение, посвященное о. Серафиму, защитил о. Георгий, также пермяк.

Отдельно следует сказать о публикациях известного историка С. Фомина, посвященных игумену Серафиму. В 1997 году он выпустил в свет сборник «Православный царь-мученик», в котором опубликовал биографический очерк «Русский инок» и прекрасно прокомментировал две наиболее известные книги о. Серафима, написанные в 1920 году в Китае, а также ряд его статей, появившихся в разные годы в сборниках «Слова. Беседы. Речи» и журнале «Голос долга». Значительный интерес представляет и статья С. Фомина «Алапаевские мученики: Убиты и забыты», в которой подробно, на основании эмигрантских изданий 1920-х годов описан духовный подвиг игумена Серафима, перевезшего из Алапаевска в Иерусалим мощи будущих преподобномучениц великой княгини Елизаветы Федоровны и ее келейницы Варвары Яковлевой⁹.

Среди обширной литературы, посвященной жизни и деятельности великой княгини Елизаветы Федоровны, истории царской семьи, алапаевского и ипатьевского убийств следует упомянуть (называем только основные использованные издания) сборники документов «Великая княгиня Елизавета Федоровна и Николай II: Документы и материалы» (М., 2009), «Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны» (М., 2011), книги и воспоминания Н. А. Соколова, М. К. Дитерихса, П. П. Булыгина, Л. П. Миллер, великой княгини Марии Павловны¹⁰.

Иерусалимский период в жизни игумена Серафима исследован значительно хуже. В имеющихся немногочисленных публикациях он затронут — в связи с отсутствием опубликованных документальных материалов — лаконично и, к сожалению, неточно. Реконструкцию биографии пермского скитоначальника на Святой Земле пришлось начинать, по существу, с чистого листа, опираясь на сохранившиеся документы Архива Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (АРДМ) и Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ), ряда других российских

и зарубежных архивохранилищ, беседы со священниками Иерусалимского Патриархата и насельницами русских монастырей в Иерусалиме, изучение значительного объема научной литературы, позволяющей восстановить сложный контекст ситуации на Святой Земле в 1920–1950 годах.

Основной корпус документов, позволяющих достоверно восстановить основные этапы жизни игумена Серафима на Святой Земле, был выявлен в Архиве Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Архив находится в настоящее время в процессе систематизации, составляются новые описи, поэтому ссылки на документы АРДМ не содержат пока указаний фондов и пагинации. Продуктивная работа в нем оказалась возможной благодаря руководству РДМ и при высокопрофессиональном содействии со стороны заведующей АРДМ¹¹ инокини Горненского монастыря Магдалины (Корниловой). Значительную помощь в написании книги оказали сестры Елеонской и Гефсиманской обителей: с. Марина (Черткова), м. Магдалина (Проферансова), м. Феоктиста (Акинина), с. Марфа (Валль), а также протоиерей Игорь Пчелинцев и дьякон Роман Гультаев. Глубокую признательность автор выражает Елизаветинско-Сергиевскому просветительскому обществу в лице А. В. Громовой; м. Софии (Кошеленко), протоиерею Алексею Марченко, Т. Л. Морозовой, с. Ксении (Хайнбюхер). Книга не могла бы появиться на свет без деятельного участия генерального директора издательства «Индрик» К. А. Ваха.

Ценные сведения о ситуации в Русской Палестине в 1920–1950-е годы содержатся в Фонде Глазунова в Мюнхене¹², где хранится часть архивного наследия Православного Палестинского Общества, существовавшего в 1919–1986 годах¹³. Отложившаяся в этом архивном собрании переписка Уполномоченных ППО в Иерусалиме Н. Р. Селезнева и В. А. Антипова с руководством Общества в Париже позволяет детально проследить непростые пережитки жизни о. Серафима на Святой Земле, его отношения с представителями русских эмигрантских учреждений в Иерусалиме.

Среди использованных документов богатейшего архивного собрания ГАРФ следует указать материалы фонда 6991 «Совет по делам религий при Совете Министров СССР», где отложилась

переписка Совета с Русской Духовной Миссией в Иерусалиме в 1948–1959 годах, содержащая немало сведений об о. Серафиме и его духовных дочерях Сергии и Анастасии, их отношениях с Миссией Московского Патриархата. В фонде 6343 «Архиерейский Синод РПЦЗ, Сремские Карловцы» просмотрены протоколы заседаний Архиерейского Синода, на которых было обсуждено и утверждено запрещение в священнослужении, наложенное в 1923 году епископом Белгородским Аполлинарием (Кошевым) на о. Серафима. Особая благодарность директору (в настоящее время — научному руководителю) ГАРФ С. В. Мироненко.

И в заключение краткого обзора основных источников и литературы еще одно замечание. Приступая к работе, автор был внутренне уверен, что о. Серафим, человек книжный и пишущий, должен был испытывать потребность как-то фиксировать свои размышления. Как это сделал, к примеру, митрополит Анастасий, написавший в те же годы в Иерусалиме «Беседы с собственным сердцем»¹⁴. Но каких-либо биографических заметок или воспоминаний игумена Серафима обнаружить пока не удалось.

Будем надеяться, что выход в свет этой книги будет способствовать их открытию.

* * *

2017 год — время знаковых для России и Русской Церкви юбилеев, время размышлений о прошлом и будущем. Столетние годовщины Февральской и Октябрьской революций, 170 лет со дня создания Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, сто лет со времени освящения Белогорского Крестовоздвиженского собора. Через год, в июле 2018 года — столетняя годовщина ипатьевского и алапаевского убийств.

Наш рассказ о жизни и судьбе игумена Серафима (Кузнецова), одного из десятков тысяч русских священников и монахов, прошедших через горнило революционных потрясений, опираясь на Церковь и вечные ценности Православия, посвящается этим памятным вехам отечественной истории.

Часть первая
БЕЛОГОРСКИЙ ЗЛАТОУСТ

